

СЕРГЕЙ
Алдонин

ЛУЧШИЙ ПРАВИТЕЛЬ УКРАИНЫ

О том,
КАК Румянцев
сделал
Малороссию
богатой
и счастливой

Сергей Алдонин
Лучший президент Украины.
О том, как Румянцев
сделал Малороссию
богатой и счастливой
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70276903

Лучший президент Украины. О том, как Румянцев сделал Малороссию богатой и счастливой / Сергей Алдонин: Родина; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-048-9

Аннотация

Фельдмаршал Пётр Румянцев был не только одним из величайших полководцев в истории, который побеждал Фридриха Прусского, по праву считался учителем Александра Суворова и реформатором русской армии, но и выдающимся управленцем. Он стал первым правителем Малороссии после «гетманщины» и за несколько десятилетий превратил небогатый край в процветающий, а из украинской элиты выдвинул талантливых дипломатов, политиков, генералов, которые служили Российской империи. Он прекратил распри между

малороссами и великороссами. А кроме того – побеждал турок, шведов, пруссаков и разбивал дамские сердца. Современники не зря считали его самым мудрым человеком в России. Пришло время рассказать о нём всю правду.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Спор в вечности	7
Глава первая	19
Недоросль и офицер	19
Гнутся шведы	36
Глава вторая	48
Предвоенный пасьянс	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Лучший президент
Украины. О том,
как Румянцев
сделал Малороссию
богатой и счастливой
Автор-составитель
Сергей Алдонин**

В авторской редакции

Художник Е.В. Максименкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Алдонин С., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Спор в вечности

*О вечность! прекрати твоих шум вечных споров
Кто превосходней всех героев в свете был.*

Г. Р. Державин

Место старинных полковых знамён – в музеях. Или они и сегодня поднимают нас в бой?

Дородный барин не без самодовольства выглядывает с портрета. Художник, верно, считал, что льстит Румянцеву, но характер у полководца был не величественно парадный! Уж если он шутил, то шутил, если воевал – то воевал. Бывал и общительным, и замкнутым.

Русский XVIII век дорог тем, для кого нет большей ценности, чем победа, чем продвижение вперёд. Звучное понятие – Российская империя – превращалось в континентальную реальность не за здорово живёшь. Каждый шаг – на пределе сил. Каждая пушка — на чьём-то горбу. В воздухе XVIII века перемешаны страсть к изысканности и простодушие. Этим румянцевская эпоха напоминает античный Золотой век – каким он остался в «Илиаде», в мифах о Троянской войне. Свою Троию герои российские взяли доблестным штурмом. Даже вельможное лицемерие, даже воровство той исполинской эпохи хранит обаяние простодушия.

Для тех, кто изысканное прозябание ставит выше поступка, XVIII век – пора диковатая, варварская. Кровь под припудренным париком, крепостнические забавы, артиллерийский гром забивает уши... Но армия в те годы была – не поверите – средоточием просвещения. И светского, и церковного. Потому и побеждали русские, что под ружьём не чувствовали себя угнетёнными, напротив, познавали вкус победы, наматывали на ус науку. Если войны не отвечают потребностям народа (подчас неосознанным) – поражение неминуемо. Но если появляется плеяда выдающихся военных мыслителей, полководцев и солдат – значит, вершится миссия народа, миссия государства. И, несмотря на червоточины и шероховатости, будем изучать это время как историю успеха.

Пётр Румянцев

Как ни странно, эта книга – одна из первых попыток на-

учно-популярной биографии Петра Александровича Румянцева – величайшего полководца и политика, одного из столпов славного Екатерининского века. Хотя исследований о Румянцеве написано немало, да и в исторической романистике он не на последних ролях. Но, увы, и не на первых.

Сегодня мало кто помнит фельдмаршала Румянцева в лицо. С портрета на нас смотрит сановитый чиновник давних времён – и школьники вряд ли безошибочно узнают в этом увальне с горящими глазами кагульского героя. Да и Кагул нынче не на слуху, хотя из школьных учебников эту блистательную победу не вычеркнешь. Забылись и Ларга, и Рябая Могила, и вклад Румянцева в преобразование Малороссии. Нечасто мы вспоминаем о Семилетней войне, в которой именно Румянцев был главным героем самых славных сражений: Гросс-Егерсдорфа, Куннерсдорфа, Кольбергской операции.

Именем Румянцева не называют города. Трудно поверить, но до сих пор не вышло ни одной почтовой марки или памятной монеты с изображением великого полководца! Правда, есть конверты – но это, по сравнению с маркой, всё-таки «второй сорт» посмертной славы. Ни разу граф Задунайский не был героем кинофильма или телесериала – и в этом он уступил в веках своим соратникам, Суворову, Потёмкину, Кутузову. Неужели потомки недооценивают Румянцева? Разумеется, Румянцева не забыли в армии. Румянцевские традиции не стёрлись: русские и сегодня умеют драться бес-

страшно и стойко. Но многие начинания и даже афоризмы Румянцева мы приписываем его великому ученику – Александру Васильевичу Суворову. При жизни баловнем судьбы считался Румянцев: чины и титулы пришли к нему в молодые годы, а Суворов своей очереди дождался мучительно долго. Но в контексте истории граф Рымникский оказался удачливее графа Задунайского. Уж его-то, слава богу, мы ещё узнаём в лицо!

Нечасто услышишь фамилию Румянцева и в «рейтингах» выдающихся русских политиков и полководцев. В конкурсе «Имя Победы» кагульский победитель не попал даже в двадцатку лидеров. У нас почему-то в моде «серебряный век» русского капитала, который оказался агонией империи. А времена успешной экспансии, времена побед мы подзабыли. Есть что-то болезненное в постоянном выпячивании таких полководцев, как Деникин или Колчак, таких управленцев, как Витте или Столыпин. Спору нет, яркие личности. Но что мы получим, зацкливаясь на катастрофических временах? У побед и у поражений – особая энергетика, с чем поведёшься – тому и уподобишься. Это не суеверие, тут формальная логика работает: изучая судьбы победителей, мы учимся у них, а побеждали-то они не случайно, они формировали систему служения, которая даёт минимум сбоев.

Нет, Румянцева не отрицали, не вычёркивали из пантеона героев. Разве что в начале 1920-х годов, когда торжествовал «левый уклон», беспощадный к «царям и их слугам». Но

уже в конце 1920-х красные командиры почтительно изучали наследие Румянцева, а после 1937-го Румянцева включили в десятку русских полководцев, имена которых зазвучали повсюду. Правда, кинофильма о Румянцеве так и не сняли, да и не планировали. Лучшее свидетельство того уважительного интереса к фигуре Румянцева – уникальное трёхтомное издание «П. А. Румянцев. Документы», вышедшее в свет в 1953—1959 годах в Воениздате под общей редакцией генерал-майора В. Д. Стырова и гвардии генерал-лейтенанта А. В. Сухомлина – в уникальной серии «Русские полководцы». Тогда же вышло и более доступное однотомное издание документов Румянцева. Реляции и письма екатерининского фельдмаршала внимательно читали самые вьедливые советские офицеры – участники Великой Отечественной и строители послевоенной сверхдержавы. Сильная сторона советских исследований, посвящённых Румянцеву, – внимание к экономическим реалиям, которые влияли на армейскую реальность, на историю войн.

Жаль только, что нового памятника Румянцев в те годы не удостоился.

Автора Румянцев восхищает: исполин! Но в литературе аналог парадного портрета – юбилейная статья на две-три страницы. Пишем подробнее, укрупняем каждый кадр, читаем письма и документы – значит, видим сор и суету эпохи. Самые яркие краски при близком рассмотрении – из грязи. Современники жалуются, интригуют, предают друг другу,

изредка проявляют силу духа – и уверены, что на их долю выпал тяжкий железный век. А потом оказывается, что то была великая эпоха, сопоставимая лишь с несколькими десятилетиями разных веков русской истории. Так случилось с елизаветинским и екатерининским временем. Великое проступает сквозь суету и мусор – надеемся, что это есть в нашем повествовании. Нет в истории прямоезжих дорог, петляем по хлябям – так и должно.

Румянцев действовал в не самое «промемуаренное» время, но кое-какие литературные воспоминания о нём остались. Интереснее других записки А. Ф. Ланжерона. «Фельдмаршал граф Петр Румянцев, без всякого сомнения, самый блестящий из всех русских генералов; это человек, одаренный большими достоинствами. Он обладает очень серьезным и весьма обширным образованием, высоким умом, удивительною памятью, здравым суждением, большою твёрдостью и искусством внушать к себе уважение. Этим последним преимуществом он обязан столько же своей обдуманной и вежливой твёрдости, сколько своей открытой и величественной наружности и своим изысканным манерам. Я не знаю человека, беседа с которым была бы более интересна и привлекательна. Мне случалось проводить с ним одним целые дни, и я не разу не испытал ни одной минуты утомления или скуки». Румянцев умел быть обаятельным, но не любил и редко примерял маску светского собеседника – в особенности в свои генеральские годы. Так что Ланжерону повезло.

В зрелые годы для современников он был примером благочестия и государственной мудрости. Такую репутацию заслужить ох, как непросто. Недругов хватало, иные радовались неудачам фельдмаршала, но никто не смел отрицать его достижений.

Румянцов! Я тебя хвалити хоть стремлюся,
Однако не хвалю, да только лишь дивлюся.
Ты знаешь, не скажу я лести ни о ком,
От самой юности я был тебе знаком,

Но ты отечество толико прославляешь,
Что мя в безмолвии, восхитив, оставляешь.
Не я – Европа вся хвалу тебе плетет.
Молчу, но не молчит Европа и весь свет, —

писал Петру Александровичу Сумароков, первый драматург и замечательный просветитель того времени. Их объединял не только Кадетский корпус. В те годы никто не мог потягаться с Румянцевым славой: это он приучил армию к победам, создал вокруг русского воинства ореол непобедимости. До Румянцева всякое случалось... Фельдмаршал сам подготовит себе соперников: его ученики укрепят русскую военную школу.

Немало нового внёс русский фельдмаршал в военную науку. Он явился прямым предшественником Суворова и французских революционных полководцев. Из реформ Румян-

цева для начала выделим две. Во-первых, он отказался от сплошного, огромного каре. Расторопный граф разбил войска на несколько подвижных небольших каре, командиры которых, зная общий план битвы, действовали самостоятельно – под руководством главнокомандующего, державшего, по возможности, связь со всеми. Во-вторых, он стремился использовать сильные качества каждого «отдельно взятого» солдата. Невиданное дело по тем временам: из каждого полка выбирали самых сильных, умных, толковых солдат, их зачисляли в гренадеры, а лучшие из лучших, наиболее терпеливые и смышлённые, становились егерями, которые должны были поступать в зависимости от ситуации. Их учили ползать, маскироваться, прикидываться убитыми.

Реформы Румянцева (разумеется, он действовал не в одиночку) превратили русскую армию в непобедимую, сильнейшую в мире. Только французская, получив революционный импульс, смогла к началу XIX века конкурировать с русским воинством.

Пётр Александрович был опытным и талантливым дипломатом и царедворцем. Да, всю жизнь он провёл вдали от столиц – в Малороссии. Но его выдвиженцы проявляли себя в Петербурге – и нередко действовали в интересах патрона.

Румянцев был истинным учеником Петра Великого. А любители великосветских сплетен добавляли: «Не учеником, а сыном, сыном!». И создавались версии – на беглый взгляд, вполне достоверные. Но это – эпизод из «потаён-

ной» истории. И цветистые пересуды тоже свидетельствуют о необыкновенной популярности Румянцева. Кого попало в бастарды императора не записывают. Ломоносова, да Румянцева – титанов под статью Петру.

«Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова и Потёмкина, но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени», – писал Д. Ф. Масловский, внимательный исследователь русского военного искусства.

Он пережил матушку императрицу всего лишь на месяц, успел её оплакать. И ушёл в вечность, найдя упокоение в древнейшем русском монастыре – Киево-Печерской лавре.

Румянцев «был мудрый полководец, знал своих неприятелей, и систему войны образовал по их свойству; мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям рассудка; казался отважным, но был только проникателен; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берег себя в сражениях единственно для победы; обожал славу, но мог бы снести и поражение, чтобы в самом несчастии доказать свое искусство и величие; обязанный гением натуре, прибавил к ее дарам и силу науки; чувствовал свою цену, но хвалил только других; отдавал справедливость подчиненным, но огорчился бы во глубине

сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравняться с ним талантами: судьба избавила его от сего неудовольствия», – писал Карамзин, коротко знавший современников, товарищей фельдмаршала.

Молодому Румянцеву удалось сломать репутацию вертопраха, которую он по юности заработал вполне заслуженно. Он прорывался навстречу гибели сквозь чащобу Гросс-Егерсдорфа, у берегов Кагула его окружали османы. Не считался с шаблонами. Шум сражений десятилетиями стоял в ушах, когда захворавший фельдмаршал превратился в отшельника, облюбовав малороссийские имения. С общими представлениями о приличиях он никогда не считался, жил наособицу. Ну какой ещё фельдмаршал по собственной воле годами не появлялся в столице? Он даже польскую кампанию 1794 года вёл, как сейчас говорят, дистанционно – и не ошибся, избрав Суворова для быстрого удара по войскам Костюшко и Вавржецкого. Третий раздел Польши – последний акт военно-политической эпопеи Румянцева. За годы его службы империя стала могущественнее – и умирал Румянцев с осознанием правоты слов Петра Великого, которые император произнёс после Гангутской победы: «Россия соперниц не имеет». В истории России немного найдётся столь счастливых поколений: они видели результаты своих трудов, они уходили победителями.

Славу Румянцева преумножили сыновья, с которыми ему – человеку не семейному – редко удавалось поладить. Зна-

менательно, что жизнеописание канцлера Румянцева – Николая Петровича – вышла в серии «ЖЗЛ» раньше, чем книга о его великом отце.

О критических оценках личности полководца мы тоже вспомним. Его ведь и демонизировали, и ненавидели – только что не презирали. Случались в полководческой биографии Румянцева и не самые удачные кампании, хотя крупных поражений не было. И по характеру Пётр Румянцев – не мальчик из церковного хора. Не следует превращать его в святого великомученика: он земной, со всеми хитростями и играми честолюбия.

Редко встретишь столь прочное переплетение полководческих и политических талантов в одном человеке. При этом Румянцеву хватало мудрости подчас держаться в тени, он умел побеждать собственное тщеславие, никогда не ввергал Отечество в смуту, не участвовал в заговорах – хотя политическая реальность далеко не всегда устраивала полководца.

Следовать за таким человеком – великое счастье и приключение. Какой крепкий и противоречивый характер – загляденье. И, перелистывая биографии других, не менее прославленных наших полководцев, убеждаемся: Румянцев никто не повторил и не заменил.

Так приглядимся к мушкетёрскому роману жизни Петра Александровича Румянцева, фельдмаршала, всех Российских орденов кавалера.

Глава первая

Шалопай

*Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!*

Г. Р. Державин

Недоросль и офицер

Гордиться аристократическим происхождением может только не в меру наивный или не в меру честолюбивый человек. Чем – по большому счёту – дворянские предки отличались от крестьянских? Одни сеяли хлеб, другие отнимали у хлебопашцев мзду. В результате за столетия сформировалась прослойка воинов и политиков, вокруг которых образовывались культура и государственные основы. Чем действительно стоит гордиться – так это победами народа, к которым причастны ваши предки. Истории дворянских семей изуче-

ны лучше, чем крестьянские – хотя и тут правда переплетается с невероятными легендами. Предки Румянцева веками служили Отечеству и своим феодалам.

По справке Разрядного приказа, родоначальником фамилии Румянцевых является некий Василий Румянец – муж весьма расторопный и предприимчивый. Он известен как пособник великого князя московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, при завоевании им Нижнего Новгорода в 1391 году.

Князь Московский в Орде испросил ярлык на нижегородское княжение. Василий Румянец был нижегородским боярином и находился на службе у нижегородского князя Бориса Константиновича. Когда завизжали боевые кони и следовало делать выбор – Василий Румянец вовремя передал и своего князя, и его удел в руки великого князя Василия. Заканчивалась эпоха раздробленности, эпоха вольницы мелких княжеств.

Неблагодарно? Нам почему-то хочется верить в сказки о дворянской чести – недостижимой для нас нынешних. Но разве можно закрыть глаза на традиции вероломства и воровства, присущие всем аристократическим родам во всех странах Запада и Востока? Почти все они были нацелены на политическую карьеру, а политик есть политик, царедворец есть царедворец – во все времена. За внешней утонченностью – корыстные и честолюбивые планы. Но именно такие характеры необходимы истории, а значит, и государству, и

народу. Как бы ни фантазировали анархисты, нет системы, в большей степени отвечающей интересам большинства, чем государство. И не беда, что система слеплена из лжи и шантажа, из подлогов и двурушничества – там и героизму место нашлось, и высоким устремлениям.

Во времена, когда мужал Александр Иванович Румянцев, отец нашего героя, царь Пётр Алексеевич пытался превратить русскую аристократию в военную касту, главные ценности которой – вера в государство и верность государю. После петровских преобразований в нашей армии крайне редким явлением стало предательство. Юношей Александр Румянцев поступил в потешные войска, затем служил в Преображенском полку, ставшем гвардейским. Участвовал во многих сражениях Северной войны – назовём, прежде всего, победные битвы при Лесной и Полтаве. Царь долго к нему приглядывался. А однажды поговорил по душам и проэкзаменовал заковыристыми вопросами. Румянцев показал себя с лучшей стороны, и Пётр приблизил его. С 1712-го Александр Иванович стал адъютантом (денщиком) государя. То есть помощником на все случаи жизни. Присмотрев оборотистость и хитрый ум денщика, Пётр поручал ему самые деликатные миссии – главным образом, внешнеполитические и карательные. Он возглавляет слежку за мятежным сыном царя и возвращает его в Россию из Неаполя. Скажете – грязная работа? Да, но при этом вполне рыцарская и мушкетёрская – за такие предприятия Натан Эйдельман назвал Алек-

сандра Румянцева русским д'Артаньяном. Русский гвардеец в ловкости и отваге не уступал никакому гасконцу. В те дни у сторонников царевича Алексея отнимали имения – и Румянцев получил в награду за чистую работу не только майорский чин, но и деревни, конфискованные у политических противников.

В 1720 году Пётр заставил своего любимца оставить избранную невесту и ввёл его в дом боярина Артамона Матвеева, к тому времени давно покойного.

Матвеевы – не чета Румянцевым, избранные из избранных. Артамон Матвеев – знаменитый сподвижник царя Алексея Михайловича, один из первых русских западников, талантливый дипломат. Политик тонкий и расчётливый; правда, погиб во время одного из стрельецких бунтов... Его сын вырос в не менее видного дипломата, ярко проявился в петровскую эпоху. В окружении Петра Великого он был заметной личностью. В 1720 году в доме Матвеевых всё крутилось вокруг девятнадцатилетней красавицы-внучки боярина. И тут начинается история таинственная... У многих на памяти живучая легенда: Пётр Румянцев был сыном другого Петра – императора. Как и Ломоносов. Обратите внимание: все трое – крупные, вспыльчивые, властные, свободолюбивые и – гениальные. Таким пересудам нет конца.

Мария Андреевна Матвеева с юных лет несла за собой шлейф роковой красавицы, она вскружила голову многим – и в том числе самому императору, для которого стала не

просто очередным увлечением. «Она занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни и даже ревновал ее, что случилось с ним нечасто. Желая, чтобы кто-нибудь держал юную графиню “в ежовых рукавицах”, государь выдал 19-летнюю Матвееву за своего любимого денщика Александра Ивановича Румянцева», – утверждает великий князь Николай Михайлович, историк, проливавший свет на фамильные тайны Романовых. Он опровергает логику и без того маловероятного исторического анекдота: «Сказывают, что молодая графиня Румянцева не уступила домогательствам самого царя. И он, якобы, собственноручно выпоров её, в наказание выдал гордичку за худародного Александра Румянцева». Выходит, что всё-таки уступила.

Андрей Артамонович Матвеев не желал отдавать дочь за Румянцева – не было у царского денщика состояния. А то, что ходил в царских любимцах – так их немало было, немало и кануло. Но Пётр – уж если взял на себя роль с дальним прицелом – уступать не собирался. Достаточно было одного гневливого взгляда – и сорокалетнего Румянцева Матвеевы приняли как будущего зятя. Злые языки не сомневались: Пётр так торопился, потому что знал, что Мария на сносях, и хотел покрыть грех законом. Впрочем, в первый год после замужества Мария Андреевна не рожала. На свадьбе присутствовал Пётр, рядом с ним – императрица. Чуть позже Пётр ещё не раз удостоит молодых высочайшими по-

сещениями, не раз разделит с ними трапезу. Румянцев к тому времени уже бригадир, и деревнями его император одаривал щедро. Поселились Румянцевы в доме на Красном канале, что у Марсова поля. Первая дочь, Екатерина, родилась у Румянцевых в ноябре 1721-го, вторая, Дарья, – ещё через два года. А в 1724—1725 годах Александр Иванович служил Империи то в Константинополе, но на Персидской границе. Получил чин генерал-майора. Жена с ним не путешествовала, жила по преимуществу в Петербурге да в Москве, где бывал и император. Правда, в апреле 1724-го и Александр Румянцев наведывался в Москву, к жене. А 5 января 1725 года у Марии Румянцевой родился сын Пётр. Если император доверил Александру Румянцеву поимку одного сына, отчего не доверить ему судьбу второго? Крестным отцом младенца стал сам царь, крестной матерью – царица. Будущий фельдмаршал стал последним из крестников императора, жить которому оставалось всего-навсего три недели.

Александр Румянцев

Александр Иванович Румянцев проявил себя на тех направлениях российской внутренней и внешней политики, на которых прославится его сын: в Малороссии и Турции.

Вот таких кровей был будущий фельдмаршал: по материнской линии – несколько поколений царедворцев и дипломатов высшей марки, изысканный ближний круг царей Московских. По отцовской – воины, дворяне, политики масштабом помельче. Если не сам государь.

Так что же – нашего фельдмаршала следует считать bastardом императора? Оставим эту версию на примете, но, не имея точных доказательств, станем относиться к Петру Александровичу как к сыну Александра Ивановича, а к Марии Андреевне – как к фаворитке Петра и жене генерала Румянцева. Все эти факты вполне совместимы. А что до подозрений в незаконном рождении – так иногда это почётно. Например, если предположительным отцом называют Петра Великого.

Детство прошло в столицах и в имениях – в том числе малороссийских. Первыми основами воспитания он обязан матери, которая не только в совершенстве знала французский, но и считать умела, и на разные темы поговорить могла бойко и заинтересованно. Отца он не видал подолгу – по семейной легенде, впервые увидел его будучи пятилетним. В это трудно поверить, учитывая, что за это время родилась

младшая (и любимая на всю жизнь) сестра Петра Румянцева Прасковья, бывшая моложе брата на четыре года.

В шестилетнем возрасте Петра записали в Преображенский полк – родной для его отца. Пётр рано начал проявлять своенравие, чувствуя себя эдаким главой семьи в женском окружении. Годам к двенадцати выглядел юношей: рослый, плечистый. Интересы и амбиции соответствовали внушительной наружности.

Старший Румянецев боролся с самостийностью, а заодно вращался в украинский быт. Факт, говорящий о многом: неугомонный Пётр Румянецев с детства знал украинский и польский языки. Был у него любимый учитель – бывавший в «европах» полиглот Тимофей Сениотович, выпускник Черниговского коллегиума (того самого, которое основал архиепископ Иоанн Максимович). У Румянцевых и до возвышения Петра Александровича были имения в Малороссии.

Александр Румянецев видел сына дипломатом, блистательным сановником – и для начала устроил ему учебную службишку в Пруссии. Старшему Румянцеву не всегда удавалось услужить императрице Анне. Его то ввергали в опалу, то возвращали. И всё-таки он нашёл к ней подход.

Мария Румянцева

Летом 1739 года русский посланник в Берлине барон Бра-

кель получил указ императрицы Анны Иоанновны: «...снисходя к просьбе генерала Румянцева, сын его отправляется дворянином посольства к Вам, дабы Вы его при себе содержали и как в своей канцелярии для письма употребляли, так и в прочем ему случаи показывали, что бы он в языках и других потребных науках от добрых мастеров поставлен был и искусства достигнуть мог, дабы впредь в нашу службу с пользою употреблен был».

Пётр не хотел бросать родные осины – и решил вести себя в Берлине так, чтобы его вскорости выдворили на родину. И всё же он, совсем как взрослый, оформил документы в Коллегии иностранных дел и удостоился жалованья в 400 рублей годовых – совсем не пустяшного. Очень скоро Бракель проклянёт тот день, когда ему навязали такого сотрудника, а Румянцев обнаружит, что 400 рублей можно промотать за считанные дни. Вести о разнузданных забавах сына Александр Румянцев получал без промедлений. Бракель просто воем выл от проделок недоросля. Однажды молодой Румянцев пропал. Искали его по всему Берлину. Оказалось, со скуки и с перепоею он записался волонтёром в один из прусских полков. Вызволяли его оттуда всем дипломатическим миром. Бракель готов был из личных средств оплатить долги Петра Александровича, только бы избавиться от шалуна. Румянцева решили пугануть специальным указом, который подписали кабинет-министры: «накрепко о том напоминаем, чтоб ты во всем так поступать тщание имел». Бра-

кель утверждал, что после указа юноша поутих. Но вскоре заболел – и его отправили в Петербург. В столице Пётр быстро выздоровел и, видимо, успел наговорить отцу дерзостей.

Генералу Румянцеву оставалось только просить императрицу принять беспутного сына в Сухопутный Шляхетский (Кадетский) корпус – в надежде, что там из него выбьют (разумеется, в переносном смысле) дурь. Не в последний раз самой монархине приходилось вмешиваться в воспитание Румянцева. Летом 1740-го это была стареющая Анна Иоанновна.

5 августа 1740 года корпусной майор Фридрих фон Раден получил высочайший указ.

«...Генерала Румянцева сына Петра Румянцева определить в Кадетский корпус и на оного и на поступки его иметь особенное, крепкое смотрение, того ради, ваше высокоблагородие, изволите оного Румянцева в кадеты в комплект определить и положенным по штату довольствоваться с прочими и за ним и на поступки его приказать иметь особенное, крепкое смотрение». С такой аттестацией от самой императрицы ещё никого не определяли в корпус. Петру Румянцеву шёл шестнадцатый год...

Считается, что на воспитании Петра Румянцева прискорбно сказались частые и долгие отлучки отца. Мария Андреевна не справлялась со своенравным отпрыском, а глава семьи ревностно служил Отечеству и годами не видел сына. Отец понимал, что сына следует вырвать из дома, где он под-

мял под себя женское царство. Но помог ли Кадетский корпус перевоспитать неугомонного сына?

Строгий режим корпуса Петру Александровичу не пришёлся по душе. Нелегко было привыкнуть к дисциплине после хмельной берлинской вольницы. Кадетов будили в 4 часа 45 минут утра барабанной дробью. К 5 часам 30 минутам они успевали умыться и привести себя в порядок. Причесавшись и надев предписанную корпусным уставом военную форму, кадеты после утренней молитвы шли строем на завтрак. Потом – утомительные занятия в классах. И – военные упражнения на плацу или в манеже до изнеможения. А после обеда – снова два часа занятий науками и два часа экзерциции... И – ни единой возможности увильнуть, ускользнуть от этой рутины. Вообразите: за самовольный выход из класса во время занятий, за неповиновение дежурному кадету, за смех и разговоры на уроке провинившегося ставили «под фузей», то есть заставляли стоять неподвижно один или два часа с тяжелым ружьем – фузеей на плече. За умышленный пропуск занятия или опоздание – суточный арест. Конечно, при родовитых кадетах проживали их слуги – крепостные. Но правила строго регламентировали и их деятельность.

Пётр Великий

Ни в одном монастыре столь строгого устава не было. Румянцев быстро проникся ненавистью к корпусу и принялся искать возможности покинуть его стены.

Полноправным хозяином в корпусе был Бурхард Христофор Миних – крупнейший русский военачальник того времени и один из инициаторов создания кадетских корпусов. Его ещё Пётр Великий хвалил за расторопность, а уж при Анне Иоанновне он сделался фигурой самой влиятельной. Командовал артиллерией, затем стал президентом Государственной военной коллегии. Получил высшую награду Российской империи – орден святого Андрея Первозванного и чин генерал-фельдмаршала. Перед Минихом в корпусе все трепетали, а он делал ставку на строгую дисциплину. Удивляла работоспособность этого немца: несмотря на бесчисленные заботы в Военной коллегии он вникал во все проблемы Корпуса. Едва ли не каждого кадета знал по имени, имел представление об их успеваемости и нраве. Этот урок Румянцев усвоит навсегда: нужно присматриваться к подчинённым, всё примечать и запоминать. Хлебнуть вольной жизни кадеты могли только по воскресеньям, и то далеко не каждую неделю. Самых прилежных отпускали в город. А одного – наиболее усердного – направляли во воскресеньям к Миниху в ординарцы. Это считалось высшей честью, хотя и обременительной.

Кадетский корпус считался кузницей не только военных

кадров. Это было лучшее в России элитарное учебное заведение, выпускники которого должны были блистать и на статской службе. Потому программа обучения отличалась основательностью. Родной язык, французский, латынь, география, история, математика (весьма насыщенная по тем временам программа включала начала арифметики, алгебры, геометрии, тригонометрии и механики), физика. Изучались военные науки (артиллерия, фортификация) и основы архитектуры. Тут же – и чистописание, рисование, фехтование, танцы, искусство верховой езды...

Кадет Румянцев – рослый, физически сильный, неугомонный – сразу проявил лидерские качества. Он быстро сходился с людьми, был заводилой шуток и развлечений, щеголял берлинским разгульным опытом. Любил фехтование и верховую езду. Руководство корпуса мечтало избавиться от такого кадета. Всего лишь несколько месяцев он провёл в стенах сего воинского монастыря – и, стараниями отца, получил офицерское звание.

Приказ от 24 декабря 1740 года подписан Минихом: «Кадет Петр Румянцев октября 27 дня пожалован в армейские полки в подпоручики, о чем изволите быть известны и приказать его из Кадетского корпуса выключить».

Получив назначение в полк, Румянцев, по обычаям того времени, сразу оказался в длительном отпуску и поселился в родительском доме. После корпусных мытарств ему требовалась передышка...

Баловень судьбу куражился вволю. «Он удальством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их, торжествовал над непреклонными». Красиво сказано! А что скрывается за высоким штилем, свойственным Бантыш-Каменскому? «Обучал батальон, в costume нашего прародителя, перед домом одного ревнивого мужа: заплатил другому двойной штраф за причиненное оскорбление и в тот же день воспользовался правом своим, сказав, что он не может жаловаться, ибо получил уже вперед удовлетворение!».

О пьяных проказах юного, а потом уже не юного, а молодого Румянцева до сих пор ходит немало баек. Жалобы на забияку дошли, как говорится, до высочайших ушей – императрицы Елизаветы, которая в душе, может быть, и одобрила молодецкое буйство, но была обязана принять строгие меры.

Гнутся шведы

Молодая империя непрестанно воевала с четырьмя соседними державами: Крымским ханством, Османской империей, Польшей и Швецией. Все эти противники во второй половине XVIII века находились не на пике военного могущества, хотя у каждого имелись свои веские козыри, вполне (до поры, до времени!) сопоставимые с российскими. Россия набирала силу постепенно, и те же шведы подчас поглядывали на русскую армию свысока. Мешало русским длительное отсутствие деятельного монарха, постоянные интриги вокруг трона. И всё-таки империя укреплялась, теснила соседей.

Чем больше времени проходило со дня смерти Петра Великого – тем больше сомнений вызывал у шведов Ништадский мир, добытый оружием первого русского императора. Войну с Россией шведы считали неизбежностью – и заранее готовили прискорбные для России условия будущего мирного договора, вплоть до перехода Санкт-Петербурга под власть шведской короны. Шведы знали, что Балтийский флот, представлявший грозную силу в петровские времена, потерял боеспособность. Много лет в Петербурге не было хозяина, не было крепкой руки: сплошное женское царство, да коронованные недоросли, которые вели политику расточительную и не сориентированную на государственный интерес. В Европе многие считали, что на таком политиче-

ском фоне Российская армия значительно ослабла. К тому же шведский посланник в Петербурге Эрик Нолькен докладывал в Стокгольм о значительных потерях, которые понесла русская армия в войне с турками.

Они недооценивали силу русского оружия: даже дворцовые перевороты и придворное воровство не помеха для армии, которой Пётр Великий дал толчок к развитию.

Между тем как раз шведская армия после Карла XII потеряла стержень. К войне они готовились долго – но в большей степени на словах. Оперативно двинуться в поход не удавалось: столкнувшись с подобной медлительностью, великий Карл, несомненно, впал бы в ярость. Впрочем, шведская казна была истощена как раз войнами блистательного короля-воина – и теперь рассчитывать приходилось только на французские субсидии. Париж, не заинтересованный во вмешательстве России в войны за австрийское наследство, стремился разжечь пламя вражды между Стокгольмом и Петербургом.

В июле 1741-го Швеция объявила России войну, выставив странную причину: убийство дипкурьера Малькольма Синклера, который вёз документы о шведско-турецком союзнном и военно-наступательном договоре. Несчастный Синклер погиб в Силезии, и его гибель не без оснований приписали русским шпионам, действовавшим по приказу Миниха. Пятитысячный корпус генерал-лейтенанта Будденброка сосредоточился у Фридрихсгамма, трёхтысячный генерал-май-

ора Врангеля – у Вильманстранда. До Петербурга – рукой подать. В Стокгольме запальчиво считали, что шведский солдат стоит десяти русских – и с десятитысячной армией думали взбаламутить Российскую империю. К тому же среди воинов Будденброка насчитывалось немало финнов, которые не оправдают надежд шведской короны. Когда дело дойдёт до серьёзных сражений, шведы перебросят на спорную территорию ещё не более десяти тысяч солдат. Но даже в смутные времена дворцовых переворотов и недолгих царствований Россия без напряжения могла мобилизовать на борьбу со шведами семидесятитысячную армию, разделённую на четыре соединения, прикрывавшие разные направления: Петербург, Выборг, Кронштадт, Прибалтику. Наиболее мощной была выборгская группировка. С ней и начал наступление на шведские позиции фельдмаршал Ласси.

Войска подошли к окрестностям крепости Вильманстранд. В наше время там располагается город Лаппеэнранта – один из крупнейших в Финляндии, с населением более семидесяти тысяч человек. В те времена вокруг крепости крупных населённых пунктов не было. Городок к тому времени уже лет сто был камнем преткновения в военных спорах двух держав.

Там состоялось боевое крещение Румянцева, там артиллерия заглушила его юношеский пыл. Он и после сражения остался баловником и балагуром, но ощутил себя человеком военным – и стал отдаваться службе всей душой.

Ласси предложил Врангелю сдаться, но разъярённые шведы застрелили русского парламентаря-барабанщика. Ласси оставалось только начать артобстрел Вильманстранда – и он решился на это. После канонады – яростный штурм, длившийся ровно час. Русские овладели крепостью – и дрались в тот день ожесточённо. Шведы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 4 тысяч человек – две трети корпуса. В плен попал и раненый Врангель со всем своим штабом.

Ломоносов откликнется на первую победу в новой войне звучными стихами:

Российских войск хвала растёт,
Сердца протерски страх трясёт,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежел ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях.
Свой яд премерску зависть травит,
В неволю тая храбрость славит,
В Российских зрила что полках.

В кампании 1742 года фельдмаршал Ласси проявил решительность, доходившую до самоуправства – и наверняка Румянцев запомнил этот дерзкий полководческий успех. Петербург настоятельно рекомендовал фельдмаршалу остановить наступление на берегах реки Кюммене, чтобы выстро-

ить там укрепления. Но Ласси был убеждён, что нельзя терять возможность поставить в кампании эффектный восклицательный знак, проучив шведов агрессивным наступлением с моря и с суши.

Шведы окончательно отдали инициативу: сил на сопротивление не хватало. Русские части с боем заняли крепость Нейшлот и без боя – Тавастгус.

Армия Ласси неожиданно быстро обошла Гельсингфорс (Хельсинки). Для корпуса генерала Бускета, который располагался в Гельсингфорсе, пути к отступлению были перекрыты. В то же время эскадра под командованием вице-адмирала Захара Даниловича Мишукова блокировала город с моря. Генерала Левенгаупта столь смелые действия русских просто ошарашили. Погибать он не собирался. Шведы недолго терпели блокаду: 24 августа капитулировали без боя. При этом финнам было предложено разоружиться и разъехаться по домам, присягнув на верность русской императрице. Большинство финнов согласилось на такие условия. Вместе с ранеными и больными сдалось 18 тысяч человек. Стокгольм увидел в действиях генерала предательство, заговорили о подкупе, а также о ненадёжности финнов.

После Гельсингфорской операции семнадцатилетний Пётр Румянцев получает чин капитана: завидно быстрым производством он был обязан не только собственной храбрости и расторопности, но и отцу. Ведь именно генерал-аншеф Александр Румянцев взял на себя руководство завоёванной

Финляндией, расположившись в гельсингфорской резиденции. Правда, вскоре было учреждена должность генерал-губернатора, которую занял генерал фон Кампенгаузен.

Капитан Пётр Румянцев наводил ужас на старших офицеров ухарскими выходками. А вот солдаты любили его за храбрость и умение хорошо снабжать вверенную ему роту. Солдатам Румянцева всегда хватало хлеба и мяса. В то время его положение, главным образом, поддерживал авторитет отца.

На переговорах Пётр Румянцев присутствовал в качестве флигель-адъютанта отца. Старый дипломат ждал выгодного стечения обстоятельств, чтобы выдвинуть сына – и такая минута пришла. 7 августа стороны подписали договор – и молодой Румянцев рванул что было мочи в Петербург с радостной вестью. Он оказался спорым курьером: без промедлений добрался до столицы. И вскоре был «всемилоостивейшее пожалован» в полковники – сразу из капитанов. Перепрыгнул разом три чина: секунд-майора, премьер-майора и подполковника. Как тут не вспомнить песенку гораздо более позднего времени, из репертуара Леонида Утёсова: «И славно учат правнуки истории урок, и юные полковники берут под козырёк!» Вроде бы юных полковников не бывает и быть не может, но Румянцев, вопреки логике, получил это высокое звание в восемнадцать лет. Вскоре он примет под командование Воронежский пехотный полк – и это назначение станет серьёзным испытанием.

«Мир постановлен был в Або́ве уполномоченными от России генералами графом Александром Ивановичем Румянцевым и бароном фон Люберасом, а от Швеции сенатором бароном Цедерирейцом и государственным секретарем бароном Нолкеном. Сим миром Россия приобрела крепость Нейшлот и Ки́менсгердскую область», – будет вспоминать о тех событиях Пётр Панин.

Елизавета Петровна не поскупилась на награды для Румянцевых. Дипломатические старания старшего увенчались графским титулом. Потомственным – то есть сиятельным графом Российской империи стал и его сын. Девиз избрали на редкость подходящий: «Не только оружием». Ведь Румянцевы в этой войне участвовали и в сражениях, и в переговорах. Або́ский мир перевернул судьбу Петра Румянцева: он одновременно стал полковником и графом. Но и после этого уха́рь не прекратил забавляться. Проказы юности продолжались.

Родителям доносили о каждой проделке холостого гуляки: кляузников и шептунов хватало. Жалобы в очередной раз дошли до самой императрицы. Наказывать повесу она не стала, но указала Александру Ивановичу на проделки сына. После краткого мужского разговора с сыном отец велел принести розги. Пётр Александрович возмутился: «Я полковник!» Старик отвечивал: «Знаю и уважаю твой мундир, но ему ничего не делается: я буду наказывать не полковника, а сына». Впрочем, в жизни, наверное, всё происходило

банальнее, чем в отшлифованных исторических анекдотах.

Императрица, между тем, наметила для молодого Румянцеву невесту – Марию Артемьевну Волынскую. Её отца, кабинет-министра Волынского, казнили при Анне Иоанновне, а Елизавета осыпала их семью милостями. Александр Иванович писал сыну в воодушевлении: «Такой богатой и доброй девки едва найдить будет можно... Ее богаче сыскать трудно. За ней более двух тысяч душ, и не знаю, не будет ли трех! Двор Московский... каменный великий дом в Петербурге... Конский завод и всякий домовый скарб». Сын остался глух к увещаниям и сорвал сватовство.

Императрица Елизавета Петровна

Они надеялись, что женитьба его образумит – но Пётр уклонялся от свадьбы. «Не умори нас безвременно. А ежели наш совет послушал, то все лучше было; для того вам и хочется одною головою жить, чтоб свободнее одному шалить и пустодомом жить», – взывала к нему мать.

«С сею почтою получил я из Выборга письмо цольфервальтера (сборщик пошлин. – А. З.) тамошней почтовой таможни Людвиха, приносит на вас жалобу; первое, как вы едущую на дороге жену его обидели, и потом, после пробития зори, с солдатами, вломясь в дом, непотребные поступки делали... Рассуди, пристойно ли человеку, имеющему знатный чин, такие шалости делать, не храня как родительскую, так и свою честь!.. Знай же, я уже в ваши дела вступаться не буду: живи как хочешь, и хотя до каторги себя доведи, слово никому не вымолвлю, понеже довольно стыда от вас натерпелся... Мне пришло до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас... » Это сказано весной 1747-го. Петра несколько напугала перспектива отцовского проклятия, но за ум он не взялся.

Через год Пётр Румянцев согласится на свадьбу: Екатерина, дочь генерал-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына ему приглянулась. По-видимому, то была любовь пылкая, хотя, как покажет будущее, кратковременная. И свободного образа жизни полковник Румянцев не переменил. Старший Румянцев не раз сталкивался с представителями

многочисленной династии Голицыных и породниться с ними считал за честь. Александр Иванович скончался почти умиротворённым, вскоре после долгожданной свадьбы сына.

По легенде Румянцев переменялся после того самого ритуального телесного наказания. Но мы знаем, что после наказания он не утихомирился, и потому рассмотрим и другую версию. 4 марта 1749 года умирает Александр Иванович. Было ему под семьдесят, но из политики он не уходил до последних дней. Его даже считали противовесом Бестужеву, который тоже был немолод, и прочили в канцлеры. Вот тут-то, после смерти отца, и почувствовал Румянцев всю тяжесть ответственности – не столько за семью, сколько за собственную судьбу. Хотя в одночасье такие перемены не происходят. Так и умер отец, не успев насладиться славой сына, не дожив до Семилетней войны. Так и отошёл в мир иной в уверенности, что воспитал вертопраха, лишь по отцовской протекции достигшего высоких чинов.

Ещё при жизни отца Румянцев принял участие в походе на Рейн. Россия вступила в войну за Австрийское наследство, помогая Священной Римской империи отстаивать ее интересы в борьбе с Францией. Но до боевых действий не дошло: Франция и Австрия подписали мир.

В полковниках Румянцев ходил больше десятилетия: быть может, если бы не смерть отца, в генералы его произвели бы раньше. В 1755-м, в возрасте тридцати лет, Румянцев получает чин генерал-майора. К этому времени он с головой ушёл

в службу: более сосредоточенного и работоспособного генерала Россия ещё не знала. История спешила испытать его в невиданной по масштабу войне.

Глава вторая

Семилетняя война

*Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих...*

М. В. Ломоносов

Заваривалась одна из странных войн в истории России. Безусловно, не оборонительная. Но и не ради имперской экспансии. После мирных десятилетий императрица Елизавета решила продолжить политику отца – в меру собственного понимания. Это означало активное участие в дипломатической борьбе, которая развернулась в Европе. А дипломатическая борьба порождает непреодолимые противоречия, из которых выход один – война.

Предвоенный пасьянс

Принято считать Фридриха Прусского инициатором все-европейского острого противостояния армий и дипломатий. Это ему стало тесным родное королевство, это он ощущал в себе силу духа и полководческой сноровки, это он недооценивал противников, фанатически верил в свою звезду. Это ему нечего было терять, а перспектива приобрести пол-Европы не давала крепко спать.

В Англии на Фридриха надеялись: видели в нём гаранта прав Ганновера – британского поместья на континенте, в германском окружении. Как-никак, мать прусского короля была дочерью английского короля Георга Первого. Близкое родство —

Фридрих Великий

и великий пруссак о нём никогда не забывал. В случае любого нападения на Ганновер он обязывался защищать его (а, значит, и британские интересы) всеми средствами. Этими обязательствами взаимоотношения Берлина и Лондона не ограничивались: англичане оказывали королю дипломатиче-

скую и финансовую поддержку, без которой ему не удалось бы содержать столь многочисленную, вымуштрованную и, в большинстве своём, наёмническую армию. И во Франции у Фридриха издавна хватало поклонников, в том числе и среди влиятельных персон, властителей дум. Ведь прусский король – классический просвещённый монарх, воплощённый идеал Монтеस्कьё. По крайней мере, он сумел себя таковым представить, а идеологи ухватились за яркий пример. Расина и Корнеля он знал не хуже, чем парижские литераторы. Заявлял о веротерпимости: даже о мусульманах отзывался благожелательно. Фридриху удалось стать другом Вольтера – они сошлись в том числе как два поклонника Петра Великого. Именно на суд Вольтеру послал Фридрих своё сочинение – «Антимакиавелли». Вольтер помог издать книгу, создал ей репутацию, по читающей Франции пошёл шумок: «Автор этой книги – наследник прусского престола!» Во Фридрихе видели надежду просвещённой Европы. Вряд ли они догадывались, что будущий король воевать любит не меньше, чем читать, а по уважению к «праву сильного» даст фору и самому Макиавелли. «Если вам нравится чужая провинция, и вы собрали достаточно сил, занимайте её немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдете юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию» – разве это мысль антимакиавеллиевская?

Когда автор «Брута» решил стать историком Петра, он обратился к Фридриху за консультациями – и сразу послал ему

несколько вопросов: «1. В начале правления Петра I были ли московиты так грубы, как об этом говорят? 2. Какие важные и полезные перемены царь произвёл в религии? 3. В управлении государством? 4. В военном искусстве? 5. В коммерции? 6. Какие общественные работы начаты, какие закончены, какие проектировались, как то: морские коммуникации, каналы, суда, здания, города и т. д.? 7. Какие проекты в науках, какие учреждения? Какие результаты получены? 8. Какие колонии вышли из России? И с каким успехом? 9. Как изменились одежда, нравы, обычаи? 10. Московия теперь более населена, чем прежде? 11. Каково примерно население и сколько священников? 12. Сколько денег?». Фридрих, конечно, не мог просветить Вольтера по этой части, но и обманывать отписками не стал. Он обратился к пруссакам, жившим в России, – и в результате получил любопытный документ – сочинение Иоганна Фоккеродта, бывшего секретаря прусского посольства в России. Господин Фоккеродт сочинил обстоятельную записку о реформах Петра, но, увы, дал волю русофобии или просто прямолинейному европоцентризму. А Вольтер стремился к объективности, и многое из «страшилок» Фоккеродта не вызвало доверия у французского скептика. Вольтер отверг прусский взгляд на Россию и на Петра – быть может, потому, что верил в военно-политический союз Парижа и Петербурга? И всё-таки Фридрих помог ему в работе над петровской темой, а дружеская (хотя зачастую и настороженная) переписка двух столпов Просве-

щения продолжалась почти пять десятилетий, несмотря на волны взаимного раздражения и прямые конфликты. Накануне Семилетней войны они стали политическими противниками, оказались в противоположных лагерях. Франция и Пруссия готовы были броситься в истребительную схватку, и Вольтер, к разочарованию Фридриха, написал разоблачительные стихи о друге-короле, презрев просвещённый космополитизм. По крайней мере, это послание приписывали именно Вольтеру.

Начиналось оно вполне дипломатично:

Монарх и филозоф, полночный Соломон,
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над шпрейскими струями.
Вселенная чудясь молчала пред тобой;
Берлин на голос твой главу свою воздвигнул,
С Парижем в равенстве до звезд хвалою достигнул.

На русский язык эти стихи переложил Ломоносов – его переводом мы и наслаждаемся, понимая, что наш просветитель привнёс в вольтеров стих и свою политическую правду.

Десницей Марсову ты лютость укротил,
Заперши дверь войны, предел распространил.
Число друзей твоих умножил ты Бурбоном;
Но с Англией сдружась, изверившись ему,
Какого ждешь плода раченью своему?

Европа вся полна твоих перунов стоном,
Раздор рукой своей уж пламень воспалил
Ты лейпцигски врата внезапно разрушил,
Стопами роешь ты бесчувственны могилы,
Трепещут все, смотря твои надменны силы.
Ты двух соперников сильнейших раздражил,
Уж меч их изощрен и ярый огонь пылает,
И над главой твоей их молния сверкает,
Несчастливой монарх! ты лишне в свете жил,
В минуту стал лишен премудрости и славы.
Необузданного гиганта зрю в тебе,
Что хочет отворить путь пламенем себе,
Что грабит города и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.

После такого памфлета какая может быть дружба? Не ждал король от революционного просветителя разоблачительных заклинаний. Но переписка не прервалась, а Вольтер не спешил признаваться в авторстве эти стихов. После всей этой журналистской войны мышей и лягушек Фридрих разлюбил изящную словесность: стихи, прозу, драматургию. Отныне всё это казалось ему бездарной и лукавой стряпнёй – в том числе и то, чем он восхищался смолоду. Раздражение перенеслось и на музыку, и на живопись: даже Моцарту от короля доставалось. Теперь он нечасто изменял политике и войне – и испытаний на этом поприще Фридриху пришлось претерпеть немало.

Россия для обоих оставалась заснеженной загадкой. Для Вольтера – далёкой, для Фридриха – близкой, которая зияет под боком. Им казалось, что соотношение сил напоминает времена классической Греции: в Европе – цивилизация, на Востоке – многочисленные варвары, не лишённые пышности. Грекам и во времена Мильтиада, и тем более во времена Александра Македонского удавалось разбивать персидские войска, превосходящие их по численности раз в десять. Фридрих не видел в России угрозу: по его убеждению, даже голштинский фактор не мог затянуть Северную империю вглубь Европы. Вдали от родных деревень, в непривычных условиях русский солдат окажется бессильным – или проявит себя дикарём, вызывая ненависть чинных германских обывателей. Он не мог поверить, что Россия сумеет несколько лет управлять Восточной Пруссией без серьёзных внутренних конфликтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.